

Swietłana Kozłowa

Судьба романа Леонида Леонова „Русский лес” в советской литературе и критике : (к вопросу о факторах художественного произведения в литературном процессе)

Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze 13, 72-79

1989

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Судьба романа Леонида Леонова „Русский лес” в советской литературе и критике (к вопросу о факторах художественного произведения в литературном процессе)

Светлана Козлова

Анатолий Бочаров заметил: „Тем-то и отличается критик от литературоведа, что окунается в поток текущей литературы, а не вглядывается зачарованно в одни лишь вершины.”¹ Действительно, критика в подходе к новому литературному явлению исходит из ближайшего опыта литературного развития, определяющего систему эстетических и художественных ценностей. Вписывая в поток текущей продукции новый литературный факт, критика нередко при этом „снимает” с художественного произведения лишь тот содержательный пласт, который соответствует идейно-тематическому комплексу литературы на данном этапе. Исследователь творческой истории романа *Русский лес* Валентин Ковалев² убедительно показал, что критика 50-х годов в момент появления романа в потоке „производственной” литературы, где обязательно утверждалась какая-либо технологическая или научная идея в борьбе „новаторов” с „консерваторами”, обсуждала леоновский роман исключительно с точки зрения его народнохозяйственного значения. Однако нельзя сказать, что Леонову не повезло тогда с „эстетической” критикой. Талантливейший литературовед Марк Щеглов первым заявил: „Народнохозяйственная проблема лесостроительства представлена в романе Леонова в самом широком плане — как тема жизни, определяющая всю сюжетную, образную связь романа.”³ Более того, критик отметил самобытные, новаторские, оригинальные в отношении к тогдашней „поточной” литературе черты леоновского стиля, но, следуя нормативам эстетики „обычного реализма”, сложившейся в 40-е годы, подверг решительному суду и сюжетную „ветвистость”, и художественную условность, и сказ как

¹ А. Бочаров: *Бесконечность поиска*. Москва 1982, с. 13.

² В. А. Ковалев: *Творчество Леонида Леонова. К характеристике творческой индивидуальности писателя*. Москва — Ленинград 1968.

³ М. Щеглов: „Русский лес” Леонова. „Новый мир” 1954, № 5, с. 49.

принцип повествования, и философичность романа. И только позднее, после прошедших партийных и писательских съездов, после дискуссий о методе социалистического реализма, в ходе нового литературного движения, когда формировалась новая эстетика, были сняты минусы, которыми обозначил М. Щеглов особенности художественного стиля Л. Леонова. В статьях и книгах Евгении Книпович⁴, Михаила Лобанова⁵, Зои Богуславской⁶ эти особенности стали предметом положительной оценки.

Следует сказать о некоторой пользе негативных критических оценок для исследования истории литературы. Нередко в наиболее резких отрицательных заключениях критика содержится зерно прогноза будущего литературного развития; именно там, где критик настойчиво старается „уплотнить” содержание произведения под потолок текущей литературной продукции, писатель вырывается в перспективу развития художественного сознания. Так М. Щеглов в упомянутой статье, анализируя идейно-художественную концепцию романа Л. Леонова, выдвигает одно особенно резкое суждение:

Есть в теории борьбы Грацианского и Вихрова одна недостаточность, с которой трудно мириться читателю. Оба героя не только в эмоциональной среде, но и в своих делах оставлены совсем один на один, и отсюда, может быть, происходит в романе особенный упор на проблему совести, на индивидуальные психологические различия. Заботы о лесоустройстве и патриотические задачи становятся здесь слишком «личным», немного даже частным делом.⁷

Действуя методом исключения, критик невольно сформулировал открытие Леонова, которое знаменовало поворот советской литературы к новой концепции личности, к новому идейно-тематическому содержанию, определившим новый этап литературного развития во второй половине 50-х — начале 60-х годов. В литературе „нравственных исканий”, в „лирической” прозе и „эстрадной” поэзии, в различных складывавшихся идейно-тематических течениях „военной”, „деревенской”, „историко-революционной” прозы определяющим становилось выдвижение на первый план индивидуальности, проблемы личной ответственности и доверия к человеку; „упор на совесть” в сюжетной ситуации нравственного выбора, психологическая и нравственно-философская разработка, предполагавшая антиподность героев, и т. д. — это было все то, что уже откристаллизовалось в мощной и плотной массе романа *Русский*

⁴ Е. Книпович: *В защиту жизни. Литературно-критические статьи*. Москва 1958, с. 138—169.

⁵ М. Лобанов: *Роман Л. Леонова „Русский лес”*. Москва 1958.

⁶ З. Богуславская: *Леонид Леонов*. Москва 1960.

⁷ М. Щеглов: *Указ. соч.*, с. 51.

лес. Критика справедливо отмечала, что перестройка идейно-художественной системы литературы нового этапа осуществлялась на путях возрождения традиций русской и советской классики, воспроизводившей движение истории через частную судьбу человека, а исторический выбор в драматических перипетиях духовной жизни героя, классики, соединявшей „проповедь” и „исповедь”, использовавшей богатейший арсенал художественных средств, накопленный мировой литературой. Но ни в то время, ни позднее критика не заметила огромной, подспудной работы леоновского романа в литературном движении, сыгравшего роль мощного „ретранслятора” энергии русских и советских классических традиций в современную литературу.

Однако само развитие, идейно-тематическое, жанровое, стилевое обогащение литературы нового периода подготовили новый уровень литературной теории и критики, новую систему ценностных критериев, с точки зрения которых открылись другие глубокие содержательные пласты романа Л. Леонова, не „прочитанные” в свое время.

Используя опыт так называемой „искренней” литературы, освещавшей противоречия трудного периода советской истории, связанной с культом личности, Е. Старикова в монографии „Русский лес” Леонова⁸ впервые анализирует конкретно-исторический план романа, снимает при этом упреки критиков, в частности Зои Кедринной, в том, что „серьезным недостатком романа является философия смирения и готовность отвечать за »грехи мира« жизнью и душой Елены Ивановны, Поли, Сережи”⁹. Е. Старикова объясняет это „ущербное” чувство вины героев не отвлеченной, в духе русской литературной традиции „философией смирения”, а конкретно-исторической ситуацией 36-го—38-го годов, изображенной в романе.

К концу 60-х литературоведение, осваивая опыт уже вполне сформировавшегося к тому времени течения „деревенской прозы” с характерным для него комплексом проблем и стилевых особенностей, осмысляет национальное содержание леоновских характеров, „народную нравственность, народные начала жизни, народный взгляд на вещи и явления, многовековой опыт и новые социальные приобретения”¹⁰, исследует национально-фольклорную природу стиля романа, смысл образов-символов „родника”, „леса”, „калины” и т. д.¹¹.

⁸ Е. Старикова: „Русский лес” Леонова. Москва 1972.

⁹ З. Кедринна: *В защиту народной жизни*. В: *Советская художественная проза. Сборник статей*. Москва 1955, с. 506, 511, 512.

¹⁰ В. М. Крылов: *Время, герой, идеал художника*. В: *Творчество Леонида Леонова. Исследования и сообщения. Встречи с Леоновым*. Ред. В. А. Ковалев и др. Ленинград 1969, с. 23.

¹¹ В. Г. Чеботарева: *Русское народно-поэтическое начало в творчестве Л. Леонова*. В: *Творчество Леонида Леонова. Исследования...*, с. 79, 101 и след.

В работах Ершова¹², в книге Льва Финка *Уроки Леонида Леонова*¹³ исследуется философская проблематика *Русского леса*: человек и прогресс, наука и нравственность, человек и природа, идеал счастья и другие, именно те проблемы природной, национальной, нравственной экологии, которые достаточно много и громко обсуждались литературой 60-х — начала 70-х годов, что позволило в свою очередь заново прочитать леоновский роман.

Важно заметить, что во всех исследованиях 60-х годов роман Л. Леонова *Русский лес* рассматривается уже как „факт истории литературы” (Е. Старикова), как „феномен искусства”, не имеющий отношения к текущему литературному процессу. Правда, в некоторых статьях, например у В. Крылова, появляются отдельные догадки, аналогии идейного содержания *Русского леса* с содержанием современной литературы, однако выраженные лишь в форме риторических вопросов: „не эта ли мысль станет через несколько лет лейтмотивом всей советской литературы?” А утверждение, подобно следующему: „Своими главными мотивами русский лес устремлен к нашему времени и целиком принадлежит ему”¹⁴ — не подкрепляется никакими аргументами.

К концу 70-х — в начале 80-х годов, появляются попытки определить место романа *Русский лес* в истории послевоенной литературы. Наибольшее распространение получила точка зрения на историческое значение романа Леонова, которая нашла выражение, например, в книге Наума Лейдермана *Движение времени — границы жанра. Жанровые закономерности развития советской прозы в 60-е — 70-е годы*. Согласно концепции этого исследования *Русский лес* оценивается как итог, завершающий минувший период литературного развития, в то время как начало новому этапу положил рассказ Михаила Шолохова *Судьба человека*. Общее движение прозаических жанров в 50-е — 70-е годы осмысливается ученым как процесс вызревания романной структуры из рассказа, лирико-психологической повести, романа-хроники, который заканчивается возникновением в 70-е годы философского романа, вбирающего в себя все этапы такого развития¹⁵. На наш взгляд, подобный жанр романа был создан литературой не в конце, а в начале рассматриваемого периода, и им был *Русский лес*¹⁶.

¹² Л. Ф. Ершов: *Леонов и западно-европейский философский роман XX века*. В: *Творчество Леонида Леонова. Исследования...*

¹³ Л. Финк: *Уроки Леонида Леонова. Творческая эволюция*. Москва 1973.

¹⁴ В. М. Крылов: *Время, герой, идеал художника*. с. 36.

¹⁵ Н. О. Лейдерман: *Движение времени — границы жанра. Жанровые закономерности развития советской прозы в 60-е — 70-е годы*. Свердловск 1982, с. 254 и след.

¹⁶ S. Poręba: *Rosyjska powieść radziecka w latach 1953—1956*. Katowice 1977, s. 80, 81.

Мы не ставили задачи рассмотрения в рамках данной статьи зарубежных исследований *Русского леса*. Тем не менее хотелось бы сослаться на книгу польского ученого Станислава Порембы *Rosyjska powieść radziecka w latach 1953—1956*, которая появилась несколькими годами раньше монографии Лейдермана, но оценка в ней места леоновского романа в современном литературном процессе представляется нам более справедливой.

Ученый выделяет в истории послевоенной советской литературы особый „переломный период”, носивший „принципиальный и всеобщий характер изменений” в критике, в жанре романа. В рамках этого переломного момента роман *Русский лес* оценивается не как итог минувшего периода, а как начало нового этапа, как переход к новому художественному сознанию, создавший предпосылки для развития жанра романа на современном этапе:

Powieść *Rosyjski las* była pierwszą poważną propozycją powieściowego ujęcia kompleksu złożonych i dramatycznych problemów epoki... Powieść *Rosyjski las* wniosła do literatury po roku 1952 ten sam typ konfliktu, który będzie szeroko wykorzystywany przez pisarzy, dokonujących rozrachunku z przeszłością, a także niewątpliwie nowe wartości artystyczne. Mamy tu na uwadze uruchomienie w utworze Leonowa tradycji literackiej, posługującej się językiem podtekstu, paraboli, przenośni, symboli...

Однако и в данном исследовании историческое значение леоновского романа ограничивается лишь пределами этого „переломного” периода. В последующей своей работе *Drogi rozwoju porewolucyjnej prozy rosyjskiej. Kierunki i prądy literackie* С. Поремба, исследуя литературный процесс на современном этапе (с 1956 по настоящее время) и оценивая его как период, „открытый для всего богатства национальных культурных ценностей и литературной традиции, а также творческих достижений других литературных систем”, к сожалению, ни одним словом не оговаривает значения для этого периода леоновского романа *Русский лес*¹⁷.

Между тем „взрыв” романного жанра в 70-е годы неожиданно обнаружил очевидную близость новым романным структурам к *Русскому лесу*, и мнившийся многим близкий конец изучения этого произведения советской литературы стал началом новой жизни романа в литературном процессе и критике 80-х годов.

Критическая мысль идет здесь пока лишь по пути установления и накопления прямых внешних аналогий в проблематике, мотивах, образах, в стилевых приемах романа Леонова с произведениями современной прозы. Так устанавливается связь леоновского романа с фи-

¹⁷ S. Poręba: *Drogi rozwoju porewolucyjnej prozy rosyjskiej. Kierunki i prądy literackie*. Katowice 1981, s. 175.

лософской прозой 70-х годов в ее основных проблемах „познания”, „веры”, „первоистоков”, проблемах экологии и цивилизации. С леоновской традицией связывается тяготение современной литературы к формам народно-поэтического мышления, к символике, к мифу. Общим местом в современной критике становится сопоставление с *Русским лесом* романа Юрия Бондарева *Берег*. И в том и в другом произведении в синтетической конструкции времени прошлого, настоящего и будущего, в столкновении „двух планов” — капиталистической и социалистической — воссоздается идеология XX века, человеческая цивилизация в сфере экономики, политики, социологии, морали, искусства¹⁸.

Все это привело к переоценке исторического места и значения романа Леонова в послевоенной советской и мировой литературе¹⁹. „Современная критика, — пишет Т. М. Вахитова, — избирает *Русский лес* Л. Леонова своеобразной точкой отчета достижений прозы последних десятилетий.”²⁰ „В расширении масштабов горизонтов литературного мышления нашего времени, — читаем в книге Натальи А. Грозновой, — творчество Л. Леонова играет роль первопроходца.”²¹ „*Русский лес* — одна из сверкающих мировых вершин романного жанра, — заявляет писатель Ю. Бондарев, — которая еще недостаточно изучена и недостаточно понята, как, впрочем, и большинство значительных вещей, вырывающихся из времени.”²²

Однако решительно поставив *Русский лес* у истоков почти всех ведущих направлений современного литературного процесса, литературоведение 80-х встало перед рядом нерешенных проблем. Во-первых, до сих пор критика и история литературы, обращаясь к роману Леонова, только „снимала” одни за другим отдельные содержательные пласты произведения, осваивала отдельные „конструкции” его структуры (подтекст, народно-поэтические образы, язык, композиция, сюжет). Целостного же исследования идейно-художественной концепции романа, которая бы стала ключом к толкованию его социального, философского, эстетического содержания, нет. Во-вторых, необходимость такого

¹⁸ Г. М. Вахитова: „*Русский лес*” и развитие прозы 60-х — 70- годов. „Русская литература” 1979, № 2, с. 39—54; Л. Ф. Ершов: *Литература и духовный мир современника*. „Русская литература” 1981, № 3, с. 7—8 и др.

¹⁹ Проблемам связей и взаимоотношений творчества Л. Леонова и в частности романа *Русский лес* с мировой литературой посвящен сборник статей *Мировое значение творчества Леонида Леонова* под ред. В. Ковалева.

²⁰ Т. М. Вахитова: „*Русский лес*” и развитие..., с. 39.

²¹ Н. А. Грознова: *Творчество Леонида Леонова и традиции русской классической литературы*. Ленинград 1982, с. 269.

²² Ю. Бондарев: *Высочайшего ранга мастер*. В: *Мировое значение творчества Леонида Леонова*. Ред. В. Ковалев. Москва 1981, с. 7.

исследования крайне насущна по отношению к современной литературе. Если оказалось, что *Русский лес* не только итог предшествующего периода развития советской литературы, но еще в большей степени исток современного литературного процесса, то неизученность общего идейно-эстетического смысла романа не даст возможности прояснить философские, эстетические концепции писателей наших дней, движение современной литературы в русле леоновской традиции. В-третьих, роман Леонова, опередивший и предопределивший проблемно-тематическое и художественное развитие советской литературы трех десятилетий, со всей очевидностью встал на пороге сегодняшнего дня советской литературы. Картина развития литературы в 80-е годы хотя и на новом качественном уровне, но в основных чертах повторяет ситуацию литературного развития в 50-е годы²³. И „уроки Леонова” помогли бы осмыслить настоящее состояние и пути развития текущей литературы. При этом особенно важным представляется изучение индивидуального творческого метода писателя, синтезирующего, как известно, научное, публицистическое и художественное мышление, что определяет особую жанрово-стилевую природу его произведений. Проблема творческого метода автора *Русского леса* — это, в какой-то степени, проблема прогноза будущего литературы.

В заключение, возвращаясь к вопросу о факторах оценки и критериях ценности в литературе, следует заметить, что судьба романа Л. Леонова *Русский лес* в критике дает один из примеров конкретного наполнения содержания такого бесспорного, но весьма отвлеченного фактора оценки объективной художественной ценности литературного произведения, каким является время. В данном случае время испытания идейно-эстетической продуктивности и жизнеспособности леоновского романа было временем интенсивного наращивания развивающейся практикой литературы шкалы эстетических и художественных ценностей до того уровня литературно-критического сознания, с высоты которого открылась вершина творения, бывшая недоступной и скрытой для стоявших у его подножья.

²³ В связи с этим новое особое значение приобретает упоминавшаяся уже книга С. Порембы: *Rosyjska powieść...*, в которой обстоятельно анализируется ситуация „перелома” литературно-критического и художественного сознания в 50-е годы, помогающая понять некоторые особенности современного процесса „перестройки” в литературе и критике.

Swietłana Kozłowa

**POWIEŚĆ LEONIDA LEONOWA „ROSYJSKI LAS“
W KRYTYCE WSPÓLCZESNEJ (PROBLEM KRYTERIÓW WARTOŚCIOWANIA
I CZYNNIKÓW WPLYWAJĄCYCH NA OCENĘ UTWORU LITERACKIEGO)**

Streszczenie

W artykule dokonano przeglądu ocen i interpretacji powieści Leonowa *Rosyjski las*, jakie pojawiały się w krytyce literaturoznawczej lat pięćdziesiątych-osiemdziesiątych. Autorka pokazuje, jak rozwój literatury radzieckiej tego okresu — rozszerzenie tematyki, wzbogacenie odmian gatunkowych i form narracyjno-stylistycznych, a także kształtowanie się nowego systemu wartości ideologicznych i estetycznych — stymulował rozwój krytyki poświęconej powieści Leonowa. Nowe interpretacje ujawniły w utworze coraz to nowe, do tej pory nie odczytane sensy ideowo-artystyczne, wykazały rosnącą rolę powieści w aktualnym procesie literackim. Wbrew obowiązującej jeszcze nie tak dawno koncepcji, w myśl której *Rosyjski las* zamykał pewien etap rozwoju literatury radzieckiej (lata trzydzieste i czterdzieste), krytyka lat osiemdziesiątych zdecydowanie postawiła powieść Leonowa u źródeł wszystkich niemal nurtów współczesnej literatury radzieckiej.

Svyetlana Kozłowa

**LEONID LEONOV'S NOVEL „РУССКИЙ ЛЕС“ IN SOVIET LITERATURE
AND CRITICISM (THE PROBLEM OF THE CRITERIA OF ASSESSMENT
AND FACTORS INFLUENCING THE EVALUATION OF LITERARY WORK)**

Summary

The article is a review of evaluations and interpretations of Leonov's novel *Русский лес* which appeared in the theory of literature criticism of the 50s — the 80s. The author shows how the development of the Soviet literature of that period — widening the subject, enriching the types of genre and the narrative-stylistic forms as well as the shaping of the new system of ideological and aesthetic values — stimulated the development of criticism devoted to Leonov's novel. New interpretations revealed in the work new, so far unread ideologico-artistic senses, showed the growing role of the novel in the present literary process. Against the conception still binding not long ago according to which *Русский лес* closed certain in the development of Soviet literature (the 30s and the 40s) the criticism of the 80s decidedly put Leonov's novel as a source of almost all trends of contemporary Soviet literature.